

Гармонь

Я продал зря свою гармонию:
Во сне опять на ней играю.
В окошках светится огонь,
И лай собак звенит с окраин.

Традиционная луна

По звёздам катит.
Тихо в мире...
Проснись — и память, как вина,
Устало бродит по квартире.

Друзьям юности

Мы не dospорили вчера,
Ещё вчера не докричали,
Но подступили вечера,
И встали годы за плечами.

Всё меньше радостей земных,
Всё тяжелее на подъёмах.
Всё уже круг друзей былых.
Их не заменит круг знакомых.

Другая времени цена,
И мы в нём движемся иначе.
Всё горше каждая вина,
А каждый миг всё больше значит.

Странник

Он хранит очень странные вещи
И гуляет в небесном саду,
Забывая в прозрении вещем,
Что бормочет у всех на виду.
На глазах у всего мирозданья
Собирает в бездонный ларец
От судьбы и людей подаянья

Нищий странник, счастливый творец.
Глас небес и земных откровений
Прозвенит в первозданной тиши,
И забьётся движенье мгновений
В тайниках его светлой души.
Родниковое слово пробьётся
Из видений, бессвязных, ка : сон,
Явит чудо...
И горько напьётся
В одиночку на радостях он.

***

Николаю Дмитриеву

Мы шли крошечным коридором...
Но не о том сегодня речь:
Мы шли во времени, в котором
Нельзя любимых уберечь.

Сквозило смутным непокоем
В тот предрассветный зимний час.
Часы подлунные конвоем
Незримо окружали нас.

Бесстрастных стражников Вселенной
Шуршал неторопливый шаг.
А время исходило пеной
На небе звёздном в двух ковшах.

Так было мутрно и плохо,
Как будто кончился запой,
И в крике горло пересохло
От глупой ярости людской.

Вставало знобкое светило
В окне небесного куска.
Нам душу снегом заносило.
И жгла вселенская тоска.

***
Игорю Лободину

Вдруг начинаю слышать тишину...
Нет, неспроста моё прозрело ухо:
Такая тишина, — не пролетит и муха,
Но я у звука тонкого в плену.

И кто-то шепчет: — Видишь, всё иначе...
Не понял, но послушно записал.
Душа молчит, ликует или плачет, —
Бесчувственны земля и небеса.

И даже простодушное зверьё
Не ведаёт людских томлений духа...
Стилом напрасно шевелить старьё,
Утратив чуткость зрения и слуха.

Но — колдовством серебряной строки,
Где каждый слог играет новой гранью, —
Светлы воспоминанья и легки,
Как мир в окне с нетленною геранью.

Двое

Морозный ельник затаился.
Я это чувствовал спиной,
Когда совсем с дороги сбился,
И ночь надвинулась стеной.

Кричал в бездонные провалы, —
Ни звука, ни огня в ответ.
Пока, промерзший и усталый,
Не ткнулся в свежий волчий след.

Волк шёл в село тропой разбоя,
Звериным голодом гоним.
Нас в этом мире стало двое.
К жилью я вышел вслед за ним.

Мы на задворках разминулись, —
Я не посмел спустить курки.
И разошлись... И оглянулись —
Друг друга спасшие враги.

***
В объёмах властных коридоров,
В тяжёлом шорохе портьер
Металс воробей, который
Сюда случайно залетел.

Он совершал полёт неловко,
Крылом касаясь потолка...
Но воробыная головка
Стремилась клювом в облака.

Сирень

Так незаметно расцвела сирень...
Над миром солнце отмеряет сроки.
И падает сиреневая тень,
И ворошит сиреневые строки.

Весь белый свет в сиреновом цвету,
А прошлое — в сиреновом тумане.
И время, набирая высоту,
Всё кружит и никак не перестанет.

А небеса безоблачно чисты.
В листе весенней — яркие просветы.
Ещё не все в сиреновом кусты,
И не на всё получены ответы.

Несу в руках сиреневый букет:
Свиданья жду во времени нескором...
Нас так давно уже в помине нет.
Но есть сирень за стареньким забором.